

Природа жестокости

Многие люди, склонные к насилию, удовлетворяют свои «потребности» в семейном кругу. По статистике 40 процентов семей страдают от домашней тираннии. Причиной тому не только невротическая неудовлетворенность главы семьи, но и ряд социальных факторов. Например, культурные нормы, допускающие домашнее насилие. Ребенок, выросший в неблагополучной семье, со временем невольно копирует поведение буйного родителя. В первую очередь, от «домашних» боксеров страдают дети. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 2000 году совершено 57 тысяч убийств детей в возрасте до 15 лет. Впереди — Африка: на 100 тысяч населения приходится 17 случаев, в благополучной Европе — два убийства.

Как ни парадоксально, но чаще всего агрессию проявляют слабые и неуверенные в себе люди, страдающие заниженной самооценкой. Не умея самостоятельно разрешить внутренний конфликт, такой человек перекладывает свои проблемы на других, направляя агрессию на домочадцев. Классическим примером, который подтверждает выводы ученых, изучающих природу насилия, стало одно из уголовных дел, которое несколько лет назад было предметом разбирательства в одном из судов Магнитогорска.

Домашний тиран

Каждый раз Юля со страхом ждала наступления праздника. Дни всеобщих гуляний и веселья в их семье заканчивались скандалами. Отец Геннадий Витальевич Тимин, которого сослуживцы знали как спокойного и рассудительного человека, выпив лишнего, становился неуправляемым. Бил и колотил все, что попадет под руку: посуду, мебель, телевизор, жену. Его супруга Татьяна Сергеевна безропотно сносила мужнины побои. Разменять двухкомнатную «хрущевку» на два равноценных жилья — почти нереально. А если нет возможности жить раздельно, то развод — не решение проблемы, считала забитая женщина. Да и не прожить им с дочкой на ее копеечную зарплату, тогда как Геннадий, монтажник в одной из частных строительных фирм, зарабатывал хорошие деньги. Юля мечтала вырваться из родительского дома. Через год она получит аттестат и укатит подальше от буйного папаша. Девочка давно поняла, что у матери не хватит духу разойтись с дебоширом.

После очередного скандала Юля, замазывая пудрой синяки на лице матери, в сердцах бросила:

— Когда-нибудь он убьет тебя...

— Не думай обо мне. Все стерплю, все сделаю, чтобы ты выучилась, специальность получила.

— Почему ты его не посадишь?

— Маленькая ты еще, не понимаешь. За мои синяки и побои он только штраф заплатит. Семье же и убыток. По милициям я набегалась, когда ты еще малышкой была.

После очередного мордобоя отец утихомиривался до следующего праздника. Он был немногословным, замкнутым человеком. Единственным его развлечением был телеви-

КОЛАЖ ЮЛИ КУДРЯВЦЕВОЙ

Агрессию и жестокость вымещают на слабых

УБИТЬ БУДУЩЕЕ

Человекоподобное существо, убившее свое дитя, нельзя назвать душевно здоровым

зор. Если после скандала от телевизора оставались одни осколки, он срочно добывал деньги и приносил домой новую технику. С дочерью папаша почти не разговаривал, так, на бытовом уровне: принеси-подай.

Юля была уверена, что ее родитель — вампир. Он ведет себя точно так, как эти нелюди: она замечала, что, избивая Татьяну, он получает почти физическое удовольствие от истязания. Своеобразным катализатором его буйства становился алкоголь. Спустив всю заначку на спиртное, он не мог остановиться и требовал «продолжения праздника». Если жена робко пыталась напомнить о долгах, в нее летела вся домашняя утварь. Вернуться домой без бутылки водки она не смела. В заложниках была Юля: отец не выпускал девочку из квартиры до тех пор, пока жена не приносила алкоголь. После спасительной добавки Геннадий на всю мощь врубал телевизор, и горе семье, если в сериале была хотя бы одна стервозная героиня. Синяками за все «сучье отродье» расплачивалась покорная Татьяна. Юля, забившись в угол, с ненавистью и ужасом наблюдала за диким сумасшествием отца и проклинала всю правду телеискусства. Папаша успевал лишь после того, как избитая супруга на коленях вымаливала прощение за измену какой-нибудь Джинны или Ирис.

«Пьяный» праздник

Новый год семейство Тиминых отмечало у родителей Татьяны Сергеевны. Старики, зная о телесдвигах зятя, специально изучили новогод-

нюю программу и включали только музыкальные передачи. Праздник отметили как приличные люди: без драки и скандала. Утром семья решила прогуляться и пешком отправилась домой. Когда проходили мимо какой-то многоэтажки, Геннадий вдруг вспомнил, что именно здесь живет его дружок, и потащил домочадцев в нему в гости. Жена с дочерью умоляли пойти домой, но упертый мужик был непреклонен. Пришлось подниматься на пятый этаж, будить спящих после ночных возлияний людей, дожидаться, когда еле продравший глава за дружок накроет на стол. Несколько часов Юля и Татьяна Сергеевна, ожидая окончания попойки, томились в обществе незнакомых людей. Девочка чувствовала, что скандала не миновать, и не оставляла мать ни на минуту. Она и думать забыла, что в этот вечер собиралась с подружками на дискотеку и молила лишь о том, чтобы на этот раз обошлось без отцовского буйства. Юля с грустью смотрела на чужое беззаботное телеселье, которое перекидывали пьяные мужики. Она знала, что беззаботные живут в ином мире, она и мать существуют в другом измерении — там царит вечный страх и ожидание побоев.

К вечеру, заметно поднаравшись, глава семейства наконец-то засобирался домой. В темноте тихо кружились крупные хлопья снега. Юля подхватила родителей под руки и решительно потянула хмельного папашу домой. Но стоило тому завидеть родной подъезд, как он остановился и повернул к магазину — за «чекушкой».

Последняя надежда на мирный вечер рухнула. Юля была

уверена — впереди ночь страхов и слез.

— Может, ты к бабушке пойдешь? — обратилась она к матери.

Но Татьяна лишь покачала головой:

— Зачем стариков беспокоить? Он и туда явится или тебе покоя не даст...

В такой ситуации Юля всем сердцем желала, чтобы родители вовсе никогда не вернулись: пусть он пропадет, сгинет, растворится.

Ночной кошмар

Был уже час ночи, когда они вскочили с постели: дверь содрогнулась от ударов. Геннадий ввалился в квартиру и тут же ударил по лицу «нерадивую».

— Не трогай маму! — срываясь на плач, закричала Юля.

— Пошла спать, дрянь!

Геннадий схватил дочку за ворот сорочки и швырнул в комнату. Девочка упала, сильно ударившись головой об пол. Татьяна бросилась к дочери, попыталась поднять, но в следующую секунду закричала от боли: подоконник в припадке дикой злобы принялся пинать жену. Юля вскочила, выбежала на лестничную площадку и заколотила в соседскую дверь. Через минуту она уже кричала в телефонную трубку:

— Милиция... Быстрее, он ее убьет... Он пьяный.

Соседка затарабанила в квартиру дебошира.

— Геннадий, прекрати над женой измываться! Сейчас милиция приедет...

Крики и ругань стихли. Юлю бил нервный озноб. Соседка накинула на голые плечи девочки старенькую шаль и все уговаривала зайти к ней домой. Юля припала к двери, прислушивалась к каждому шороху, доносившемуся из квартиры. Наконец-то появи-

лись стражи порядка. На крик «Милиция, откройте!» дверь распахнулась. На пороге, прикрывая ладонью затекший глаз, стояла Татьяна Сергеевна. Отец смиренно сидел в комнате, впившись глазами в уличный телевизор. Он безропотно поднял руки, когда его стали обыскивать, и заискивающе залепетал:

— Да что вы, ребята, разве я позволю на женщину с ножом? Ну, повздорили малость, поскандалили. В какой семье не бывает?

— Он все время маму бьет. И сейчас сапогами прямо по животу пинал, — глотая слезы, почти кричала Юля.

Она взглянула на отца и осеклась, оцепенев от лютого взгляда родителя.

Расплата за «предательство»

Пэпээсники увезли Геннадия в райотдел. Как только за ними захлопнулась дверь, счастливая Юля бросилась к матери:

— А ты не верила, что его заберут! Как без него хорошо, свободно.

Мать провела рукой по светлым дочкиным волосам и горестно вздохнула:

— Надолго ли? Через день-два выпустят.

Обнявшись, они уснули. В пять утра в дверь постучали. Сквозь дремоту Юля слышала, как мать пошла открывать. Едва девочка услышала голос отца, сон будто рукой сняло. «Они же забрали его... Почему он вернулся?» Она забилась в угол кровати и напрялась. Отец решительно подошел к постели, схватил дочку за волосы и с силой ударил кулаком по голове. Она почувствовала на лице липкую влагу, комната медленно закру-

жилась, к горлу подступила тошнота. Боли она не ощущала, лишь сквозь туман до нее доносился отцовский крик. Разъяренный мужик, пиная обмякшее тело дочери, приговаривал:

— Сдала отца, стерва! Получай!

Татьяна бросилась на пол, заслонив собой дочку. Геннадий схватил жену за волосы, отшвырнул к дверям. На глаза ему попался тонкий шланг от стиральной машины. Он захлестнул резиновую удавку на шею девочки и стянул концы. Обезумевшая мать, отбросив мужика, кинулась к дочке. Стянула шланг, пытаясь привести в чувство Юленьку. Глаза у девочки закатились, из уголков посиневших губ показалась струйка крови. Садист, не реагируя на крик и угрозы, оттолкнул супругу, схватил полуживую дочку за волосы и дважды с силой ударил головой об пол, приговаривая:

— Открой глаза, не притворяйся, тварь...

Девочка захрипела, но подоконник не подпустил жену к Юле. Схватив нож, он приказал Татьяне лечь в кровать, сам устроился с краю. Он словно не слышал мольбы и просьбы вызвать «скорую». Наблюдая, как по полу растекается кровь, Геннадий едва сдерживался, чтобы не наброситься и окончательно не растоптать шуплое тело дочки, посмеявшейся предать родного отца...

Светало. Стоны Юленьки затихли. Татьяна, закусив простыню, беззвучно плакала. Наконец Геннадий подошел к девочке, прислушался: дышит или нет, а потом приказал жене:

— Вызови «скорую»... Скажешь, что сама упала, когда на горку ходила. Поняла?

Поседевшая за ночь Татьяна, покорно кивнув, тихонько встала с кровати. Машина «скорой» увезла девочку. Следом прикатил милицейский «УАЗик», в который затолкали Геннадия.

Врачи сразу предупредили мать: надежды на то, что девочка выживет, почти нет.

Без семьи

Юля скончалась в реанимации. Причина смерти: механическая асфикция и закрытая черепно-мозговая травма.

На судебном процессе детоубийца Геннадий напрочь отрицал свою вину. Он пытался убедить судей, что жену он и пальцем не трогал. Ну разве что в сгоряча толкнул пару раз, когда та набросилась на него с кулаками. Шлангом дочку не душил, а всего лишь слегка, для острастки, сдвигал горло руками: надо же было проучить паршивку, надмававшую сдать в милицию родного отца. Ударил он негодницу раза два об пол, но...не убивал.

Судебные медики подтвердили, что Геннадий психически здоров. С медицинской точки зрения диагноз не оспорить. Но возможно ли назвать человекоподобное существо, убившее свое дитя, душевно здоровым?

Суд признал Геннадия Тимина виновным в убийстве дочери и приговорил к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Татьяна после смерти дочери подала на развод, но выпустить из квартиры отбывающего наказание Геннадия ей так и не удалось.

ИРИНА КОРОТКИХ.

Имена и фамилии персонажей изменены. Автор благодарит постоянную сессию Челябинского областного суда за предоставленный материал.